

Ян Вон Сик

(1932 - 2005)

ЗАВЕЩАНИЕ

(баллада)

Ли Хак Суну посвящается

Бирюзовыми волнами
ветер играет лениво.
Головою усталую клонится
солнце все ниже.
Стайка лодок, беременных рыбой,
скользит по заливу,
Ближе,
ближе к родным берегам.
И горячие брызги заката
на бронзовых лицах.
На душе безмятежный покой:
поработали славно!
И улов по труду – да какой! –
этим можно гордиться.
Нынче всем улыбнулось
рыбацкое счастье...

Да, весна в том году обещала удачу.
И река битый лед голубой
уносила в безбрежную даль.
Вешний ветер ярился, трепал паруса,
завывая натужно.
Вширь Или разливалась.
И дружно
с гор сбегали ручьи,
унося свои талые воды в долину.
Вереницы судов на стремнине.
– Поскорей, торопись! – подгонял бригадир.
Рыбаки поспешали – рыбной ловли сезон.
Вот лихая забава!
Сильным, ловким – им все по плечу!
За рассветом,
хмелея от свежего ветра,
ушли рыбаки.
Пять друзей неразлучных – пять пальцев руки:

Эм Иван, Ким Сережа, Молдаров, Сейтунов,
с ними Ю Николай.

Положиться на каждого можно.

А иначе нельзя.

В этом соль, непреложный
рыбацкий закон.

Ли Хак Сун говорил не спеша,
вольный ветер ладонью руки разрубая:

«Первым ловом
мы дверь открываем путине.

Словом,
чем он богаче, тем будет удачнее год.

А хороший улов на реке –
к урожаю в полях».

Так любил говорить Ли Хак Сун,
а уж он-то знал все.

Знать, не зря говорили:
духи рек и озер его в тайны Или посвятили.

Зря не скажет народ...

Да, зима на просторах речных
здесь не сразу сдается.

Еще в силе мороз, а рыбак уже чует,
сердцем чует, что в ночь эту тронется лед.

И пошел ледоход, вслед за ним косяки.

Ставьте сети свои, рыбаки!

Тут уж время не в счет.

Дни и ночи – бессонная вахта.

Все заботам обыденным рады.

И не ради корысти,
не одной только выгоды ради.

Здесь рыбацкий азарт верховодит,
побеждая усталость и сон.

Он – в крови рыбака.

По наследству азарт переходит...

Осень тридцать седьмого на Дальнем Востоке –
шла путина большая.

Все своим чередом.

По привычному кругу
нарождалась на небе восьмая луна.

Был Чусок на носу.

В поле зрел урожай,

в море рыба ловилась.
И тогда, будто гром среди ясного неба,
эта дикая, страшная весть...
Трое суток на сборы...
Нет, я больше не в силах об этом писать!
Это было уже. Это было когда-то.
Что за доля такая –
дважды изгнанным быть!
И за что мой народ впал в немилость пред Небом!
Кто ответит: за что?!
Нет ответа, ответа не будет.
Изболелась душа, без вины виновата...

Что с собою возьмешь?
Дом родной не прихватишь,
и из моря не вычерпать рыбу,
урожай не уложишь в карман...

Помнит Ли –
при прощанье
туманно и холодно было Охотское море,
Помнит, как завывал
ранней осенью ветер восточный.
Как тянулись составы один за другим –
на закат, на закат, на закат...
И как долог и труден был путь.
И сдержать себя не было сил.
Ведь для многих тот путь оказался последним.
И на каждой версте здесь до сотни могил.

*На дорогу глядел
и не видел дороги от слез...*

Помнит Ли,
как он праздник Осеннего Вечера встретил в пути,
Не под бой барабанов –
под грустную песню колес.
Помнит детскую песенку –
голос, дрожащий от слез:

*Из Восточного моря в селение к нам
приплыла Черепаха по бурным волнам.
Королевским встречай угощеньем!..*

Нет, не встретит никто.
Где-то там, далеко,
там дома, как могилы,
там могилы отцов
порастают дремучей травой,
колос зерна роняет на землю,
как слезы,
рыба мерзнет в воде
и бесшумно уходит в морские пучины,
а на отмели гуси готовятся в дальний полет.
Унесенная ветром
в середину залива,
одинокая лодка плывет
в пелене снегопада.

*Только в дальней дороге
поймешь ты людские надежды...*

Те, кто все же добрался до края земли,
кто прошел этот путь до конца,
вспоминая далекий потерянный рай,
сжали волю в кулак
и скрепили сердца –
надо жить!
И они обживали неведомый край.
Лишь глухая печаль
по ночам омывала им сердце,
била тяжело в виски.
Так лишь волны шумят, ударяя в причал...

Ли Хак Сун осмотрелся:
«Что ж, попробуем жить!»
Он ведь твердо стоял на земле
и труда не боялся.
Соль Охотского моря, крутые шторма,
обжигающий ветер
не только лицо продубили...
В Ли Хак Суна поверили люди
и сразу его полюбили
за его прямоту, за упорство и твердость,
а еще за большое и доброе сердце.

Все, что было у Ли, –
говорунья-жена, шаловливые дети

да рыбацкие сети.
Вот и все состояние Ли!

Кстати, здесь до его появления
рыбу сетью никто не ловил.
Надо прямо сказать,
что селу повезло несказанно,
Если даже крутое Приморье не знало
равных Ли рыбаков.
И не только Приморье...
Восемь лет он ходил капитаном рыбацкого судна,
был главою артели.
И не только в словах,
но и в деле был смел и отважен.
Скажем так,
что талант вожака в Ли Хак Суне от бога.
Все его признавали...
И сердце держал он открытым.
Головы никогда не терял.
Никогда не юлил,
рыбу в мутной воде не ловил...

Как-то раз их бухгалтер, говоря о работе артели,
мол, на двадцать процентов
превысили план годовой,
километрами слов всех и цифрами так заморочил,
что не выдержал Ли,
обалделой тряхнул головой:
«Ближе к делу! Короче!
Это все ваши игры!
Не надо нас планом пугать:
ваши планы – это просто бумажные тигры!
Все они рождены за конторкой...
У природы свой план и законы свои.
План рождается морем... Тем, как люди живут...
Не проценты важны, важен труд!»

...За семь лет Ли удвоил уловы
и возглавил рыбацкое дело в поселке Куйган.
А ведь все начинать приходилось с нуля.
Надо было, чтоб люди поднялись с колен,
чтобы новые корни пустили и жили достойно.
Расцветало село, оживала земля,
и за крепкой железной спиной его

людям было спокойно.
...Знаю я, что ничто в этом мире не вечно:
и к железу приходит усталость.
Знаю я, что завистники были и были наветы.
Но о них говорить – слово бросить на ветер...
Да и где они?! –
даже имен не осталось.

Скручен тяжким недугом,
Ли Хак Сун написал завещанье –
уникальный по сути своей документ.
Как хозяйство вести?
Как удвоить уловы?
Кем его заменить?
Что построить и где?
...О жене и о детях ни слова!

И у края могилы – все заботы о людях.
С неба звезд не хватал и в героях труда не ходил.
Только если вдруг речь заходила о нем,
все вокруг головами кивали:
«Ли – знатный рыбак!»
И, поверьте мне, это немалого стоит.

...Вечный пленник у рек и озер Ли Хак Сун,
знаю я, что святая душа не парит, не витает –
обитает отныне, как рыба,
в реке под Куйганом...
По себе ты оставил лишь добрую память,
а еще сыновей, –
все достойны отца, –
и любимую дочь.

*Я в мыслях тороплюсь
к излучине речной,
гляжу из-под руки –
о берег ветер бьется.
Хлопочут рыбаки.
Повсюду лодки, лодки.*

И только нет одной...

Перевод К. Бакбергенова